

НЕЗРЕЛОЕ ЯБЛОКО СОБЛАЗНА

В Церкви святой Мадлен — вечное столпотворение. Невесты с женихами стекаются сюда не только со всего Парижа — со всей Франции. Поднимаются по широким ступеням — радостные, полные предвкушений и надежд: ведь по старой легенде обвенчавшиеся в этой небольшой церквушке всю жизнь будут счастливы.

В то время 36-летний Эдуард Мане был уже знаменит — блестяще, скандально. Он написал шокирующий «Завтрак на траве» и еще более эпатажную «Олимпию»

Но ведь жених не он. Тогда что же он делает в церкви? Выдает замуж любимую. И за кого? За младшего брата!

Но он-то зачем пришел сюда?! Эдуард вздохнул поглубже. Своды давят. Дышать нечем. Проклятие! Впрочем, грех ругаться в церкви. Он стиснул зубы, пытаясь сдержаться. Руки за спиной сами до боли сжались в кулаки. Главное — стоять спокойно. Глаза закрыть, что ли? Не получится — все равно чертову любопытство возьмет верх!

Наметанным взглядом художника Мане отмечает трепет свечей, выхватывающих из полумрака резную скульптуру, краски алтарных картин, расставленные повсюду белоснежные букеты. Торжественно звучит орган, вступает «ангельский» хор мальчиков, и аббат Юрель выплывает навстречу в праздничном облачении. Нет слов, роскошная композиция, хоть сейчас на полотно и на выставку в Салон! Академисты ладони отхлопают.

Угораздило же нашу новобрачную выбрать именно эту церковь! Легенда ее, видишь ли, прельстила. Да в Париже у каждой церквушки — своя легенда. Нет, надо было сюда тащиться! Далеко, неудобно, по площади не проехать — вокруг толпы зевак собрались поглазеть на чужую радость... И, естественно, охаять. Вот природа человеческая! Мане слышал, как одна дамочка презрительно бросила другой: «Невеста — художница?! Нет, милочка, своей дочке я такого не разрешила бы!» Другой болван заорал: «Жених-то — франт!» и ткнул пальцем в Эдуарда.

Но ведь жених не он. Тогда что же он делает здесь? Выдает замуж любимую. И за кого? За младшего брата! Через несколько минут его Берта станет госпожой Эжен Мане. А завтра на двери их квартиры появится табличка «Юрист г-н Эжен Мане с супругой». Как сказала Берта: «Завтра я избавлюсь от романтических химер». Удастся ли?

Целый год мать уговаривала Берту выйти замуж за Эжена. Ведь он — солидный юрист, не то что дочкины друзья-художники. И вот сегодня, 22 декабря 1874 года, под Рождество, у мадам Моризо — праздник: третью дочь замуж выдает. Она утирает счастливые слезы, то и дело косясь на Эдуарда: боится, как бы не сорвал венчание. А что? Начал же как-то его дружок поэт Шарль Бодлер декламировать свои скандальные «Цветы зла» во время проповеди. Мане горько улыбнулся: может, и ему стоило захватить в церковь пару обнаженных натурщиц!...

Нет, пора остепениться. В конце концов, ведь он любит обоих — и брата, и Берту, а значит, надо пожелать им счастья, коль уж они решили соединить свои судьбы. Но неужели это настоящая свадьба?! Всего с десяток гостей — только члены семьи и красавица-невеста в простом белом платье, даже без украшений. А как к ее матовой коже пошли бы жемчуга или изумрудное ожерелье — к бездонным зеленым глазам! Госпожа Мане, мать Эдуарда и Эжена, предлагала Берте выбрать что-нибудь из фамильных драгоценностей, но девушка, сверкнув огромными глазами, гордо отказалась. Сказала, что не хочет пышной свадьбы — еще не кончился траур по отцу. Но Эдуард-то прекрасно понял — Берте не вынести пышного торжества, поскольку эта свадьба для нее совсем не праздник. Скорее необходимость. Оба семейства — Мане и Моризо — решили, что так будет лучше всего. Ведь уже почти семь лет прошло

с тех пор, как Берта познакомилась со старшим Мане. Семь лет их странной любви...

Эдуард встретил Берту в Лувре в начале 1868 года. Молодая художница усердно копировала картину Рубенса. В то время ей было 27 лет — возраст для женщины далеко не юный. Да и в живописи она была не новичок — уже четыре года с успехом выставлялась в художественном Салоне. А что успех вполне заслуженный, Мане убедился сам: ее «Вид Парижа, написанный с холма Трокадеро» произвел на него огромное впечатление, он даже начал подумывать — не отправиться ли туда на этюды?

В то время 36-летний Мане был уже знаменит — блестяще, скандально. Он написал шокирующий «Завтрак на траве» и еще более эпатирующую «Олимпию» — полотна, которые превозносили и ругали одновременно. Он — лидер молодых художников, называемых в богемном Париже «бандой Мане». Правда, Эдуард не перенял их вызывающей небрежности в одежде, напротив, всегда был подчеркнуто респектабелен. Для создания романтического облика ему достаточно светлого шейного банта или бархатного сюртука. У Мане светлые вьющиеся волосы, мягкие усы, бородка и озорной взгляд. Он все еще молод и остроумен, пленителен и красив, привык наслаждаться любовью, как глотком искрящегося шампанского. Женщины сходят по нему с ума, обивают пороги модной мастерской. Но никто не задерживается — ни в мастерской художника, ни в его сердце. До тех пор пока в его жизни не появляется Берта Моризо.

Она приходит в мастерскую с матерью и чинно сидит на сеансах, пока Мане делает наброски. По примеру Гойи Мане решил написать сцену на балконе. Берта и вправду похожа на испанку: тяжелые темные волосы, нервное одухотворенное лицо и таинственные глаза такого глубокого зеленого цвета, что кажутся почти черными. В одежде она предпочитает черный и белый, и друзья считают Берту очень стильной. Мане хочет написать девушку с букетом алых гвоздик, которые подчеркнут ее испанский колорит. Алый цвет — вызов всем условностям в жизни и творчестве, недаром Берта примкнула к художникам-импрессионистам, даже стала у них заводилой.

Красота Берты и впрямь производит почти колдовское впечатление. Она покорила не одно мужское сердце, но взаимности не сумел добиться ни один. Поэтому немудрено, что о мадемуазель Моризо стали говорить, будто она холодна от природы.

Чепуха! Мане понял это с первой встречи. С первого взгляда он угадал, что под маской равнодушия скрывается страстная натура. Но как старательно она сдерживает ее! Утром Мане рисует девушку для своего «Балкона» в длинном белом платье, с ниспадающими на плечи черными локонами, вечером правит ее этюды или пишет свои и все время говорит не умолкая — о живописи, о выставках. А Берта только смотрит, пожирая его громадными глазищами. Иногда, правда, проронит несколько фраз, обычно о ком-нибудь из общих знакомых. Но вид у нее при этом такой, будто она хотела сказать что-то совсем другое. И тогда мадам Моризо поднимает глаза от своего бесконечного рукоделия и внимательно смотрит на дочь. Разве можно позволить себе при этом какою-либо вольность?

«Ателье в Батильоле» кисти А. Фантен-Латура, 1870 г. Эдуард Мане — в центре.
Слева направо: Шолдерс, Ренуар, Астриук, Золя, Масотр, Базиль и Клод Моне

Измученный Мане попытался разжечь в Берте ревность и взял еще одну ученицу, весьма соблазнительную особу

Но Бог свидетель, даже когда Берта приходила на сеансы одна, Эдуард ни разу не позволил себе зайти слишком далеко. Ну разве что несколько горячечных поцелуев и объятий на старом диванчике... Дьявольщина! Он, общепризнанный ловелас, боялся пойти дальше. Берта, такая смелая в работе, в жизни оказалась недотрогой.

Измученный Мане даже попытался разжечь в ней ревность. Он заметил, как болезненно реагирует Берта на присутствие в мастерской других женщин, поэтому взял еще одну ученицу, весьма соблазнительную особу Еву Гонсалес — дочь известного писателя и политика. Эдуард хвалил Евины работы и даже принялся писать ее портрет. Потратил почти год, а вышла вялая мазня. Правду говорил их с Бертой общий друг — художник-эстет Пюви де Шаванн: «Мане прекрасно пишет только тех, кого любит». А ведь он всего лишь хотел подразнить Берту: вдруг очнется от мечтаний и поймет, что рядом — красивый мужчина, готовый на все? Но девушка только обиделась и замкнулась. Стало совсем невыносимо.

Мадам Моризо вообще считает Эдуарда сумасшедшим. Да он и впрямь сходит с ума от любви! Ему хочется то попрекать Берту в бесталанности (тайком восторгаясь ее картинами), то превозносить до небес перед

Мане лихорадочно писал портреты Берты, впитывая ее всю — от мысочков туфель до кончиков волос. Вдыхал ее аромат и переносил на холст ее душу.
«Портрет Берты Моризо», 1880 г.

**Сейчас аббат спросит:
«Кто против вступления
в брак этих мужчины
и женщины?» и Эдуард
крикнет, что он — против**

другими учениками. Хочется мучить, флиртовать на глазах Берты с любой женщиной, пришедшей в мастерскую, или выгнать всех, и в первую очередь вечно торчащую на уроках дочери мадам Моризо, и шептать Берте нежные слова. И целовать, целовать эту зеленоглазую русалку. Но это невозможно! Берта сразу же сказала, что никогда не согласится на любовную связь. Даже подчеркнула: «неосвященную связь». Одним словом, сначала поход в церковь. И вот она в Церкви святой Мадлен. Но рядом стоит не Эдуард, а Эжен.

Мане напрягся: сейчас аббат задаст традиционный вопрос — кто против вступления в брак этих мужчины и женщины? Эдуард встанет и крикнет, что он! Конечно, будет скандал, но плевать! Париж и так считает его смутьяном. Мане набрал в грудь побольше воздуха и вдруг встретился взглядом с мадам Моризо. У нее такие же черно-зеленые глаза, как у Берты. И в них такая же боль. И такой же упрек.

Видит Бог, не имеет он права возражать! Ведь даже сюда Мане пришел не один — со своей законной женой. Прежде надо было развестись с Сюзанной, и только тогда он мог начать новую жизнь с Бертой и мадам Моризо в виде новой тещи. Но как же его любимое кресло, обитое черной кожей, негромкая игра Сюзанны на фортепиано по вечерам? Что же — с этим придется распрощаться? Да и как без Сюзанны?..

Они прожили вместе 22 года. Познакомились в далекой юности, когда 20-летняя учительница музыки мадемуазель Сюзанна Ленхоф пришла в дом Мане давать уроки братьям Эдуарду и Эжену. Мадемуазель была поражена — она рассчитывала учить милых крошек, а увидела почти своих ровесников: Эжену уже исполнилось 17, Эдуарду — 18. Сюзанна была чудо как мила — прелестные белокурые волосы, матово-молочная кожа, ямочки на щеках, особенно притягательные, когда она улыбалась. А улыбалась девушка часто. Она вообще никогда не унывала — ведь ей, дочери голландского органиста, приехавшей во Францию, самой приходилось зарабатывать на жизнь, и оптимизм был ей главной опорой. Сюзанна не впала в отчаяние, даже когда поняла, что ждет ребенка от Эдуарда, хотя знала, что он не может на ней жениться — иначе отец лишит его средств. Она любила Эдуарда без горечи и претензий — ведь юноша был так неотразим и остроумен!

29 января 1852 года Сюзанна родила мальчика — Леона. На совете обе бабушки (пришлось рассказать все госпоже Мане и вызвать из Голландии госпожу Ленхоф) решили, что младенца запишут как младшего сына госпожи Ленхоф, а истинные родители для всех стали крестными Леона. Эдуард снял для Сюзанны и малыша квартиру, куда навещался каждый день. Так он и жил — на два дома. Госпожа Мане поддерживала их материально. И все это происходило в тайне от господина Мане. Только после смерти отца Эдуард женился на Сюзанне, Леону было уже 11 лет... Сын так и остался навсегда крестником своих настоящих родителей.

...Под звуки органа Сюзанна всплакнула. Она теперь часто плачет — над ноктюрнами Шопена, над страницами дамских романов. Говорит, нервы расшатались. А вот Берта не плачет никогда. По крайней мере Эдуард ни разу не видел ее слез. Берта сильная. Она поймет: он не мог оставить Сюзанну. Мане считает — нельзя бро-

Эдуард женился на Сюзанне только после смерти отца. Леону было уже 11 лет... Сын так навсегда и остался крестником своих родителей

С Сюзанной Ленхоф Эдуард познакомился в далекой юности, когда 20-летняя учительница пришла в их дом давать братьям Мане уроки музыки

сать слабую женщину, она пропадет. Уж если пропадет, то сильную: она не покончит жизнь самоубийством, даже скандала не закатит — слишком хорошо воспитана...

Молодые вышли из церкви, и Эжен жестом собственника набросил на плечи Берты накидку. Эдуарда перевернуло — накидка была черной.

Возвращаясь домой, Эдуард думал: «А вдруг святая Мадлен поможет и они будут счастливы?» Карета скрипела на поворотах. Сюзанна задремала, склонив голову к его плечу. Да и что такое счастье? Вот когда он писал портреты Берты, это было счастье! Он впитывал ее всю — от мысочков туфель до кончиков волос, вдыхал ее аромат, переносил на холст ее душу. Это было даже больше, чем обладание любимой: женщина может разлюбить и уйти, ЕГО Берта не уйдет от него никогда. Даже смерть не сможет различить Художника и его Женщину. Вот Берта томно раскинулась на диване, вот прибежала с мороза и стоит, теребя муфточку. А вот смотрит прямо на него — волнующая, зовущая. Мане написал уже десять ее портретов — он работал быстро, самозабвенно. Хватался за кисть, как только Берта появлялась в мастерской — словно боялся, что она исчезнет. Совсем по-другому, без лихорадки, Мане писал жену: Сюзанна музицирует, или читает книгу, или просто смотрит вдаль. От работы над этими картинами он тоже получал огромное удовлетворение, как от неспешной супружеской близости. Казалось бы, все уже известно, выучено наизусть, и вдруг... Он вспомнил, как спустя пять лет после рождения сына уговаривал Сюзанну позировать обнаженной. Его покорная женушка вначале отказалась наотрез. Сколько слез и жалоб вытерпел он, пока писал «Нимфу, застигнутую во время купания» — прелестную, почти этюдную картину. Ему так хотелось передать подвижность струящейся воды и мягкость очертаний женского тела. Он писал Сюзанну целомудренно — со спины, уговаривая, что это не она, а древнегреческая богиня. «Но ты же отправишь картину на выставку, — смущаясь, вздыхала Сюзанна. — Вдруг мсье Бертье узнает меня?»

Мсье Бертье был лавочником, у которого Сюзанна покупала продукты. Эдуард не стал объяснять, что лавочники не ходят в художественный Салон. Хотя, кажется, в наше время только лавочники и ходят по выставкам. Иначе с чего бы ни об одной из своих картин Мане не услышал доброго слова? «Любителя абсента» окрестили шутом гороховым. «Балкон» называют местом свиданий. А любимую «Олимпию», в которой он видел современную Венеру, эти лавочники от искусства обозвали проституткой! «При такой красоте, — писал один ярый критик, — она явно немало берет. Посмотрите, какие дорогие простыни у этой стервозной кокетки!»

...Провожая гостей, Берта улыбалась — сестрам и их мужьям, своей матери и матери Эжена, самому Эжену и, конечно, Эдуарду. Ему больше всех, гордо и удовлетворенно. Чтобы не сомневался, что она счастлива. Несмотря на все — на их глупый семилетний роман, на его недовольный вид. В конце концов, она все же стала госпожой Мане. Может быть, именно Эжен любит ее по-настоящему? Ведь он знал про ее роман, но все-таки женился. Берта надеялась, что именно Эжен станет той самой соломинкой, которая вытасчит ее из омута несбывшейся любви. Вчера он изрек: «Когда-то я засматривал

Для своего «Балкона» Мане пишет Берту в длинном белом платье, с ниспадающими на плечи черными локонами (1868 г.)

ся на Сюзанну, но Эдуард увел ее у меня. Теперь главный приз — мой!» Вот оно что: оказывается, она, Берта, стала наградой в многолетнем соперничестве братьев!

Берта скрипнула зубами. Она переняла эту дурацкую манеру у Эдуарда. Пусть, наплевать! Зато теперь она может без стеснения смотреть в глаза Сюзанне. Пусть эта гусыня ее терпеть не может, теперь Берта Мане — равноправный член семьи!

Ночью, отведя взгляд и поджав губы, Берта терпеливо ждала, пока муж расстегивал ее пеньюар. Пеньюар был черным, как вся одежда Берты. Эжен едва сдерживался, воюя с массой крошечных пуговиц, сломал ноготь. Наконец он взорвался: «Чтобы я больше не видел в доме ничего черного!» — и, подхватив Берту на руки, понес в спальню. Но, переступив порог, от изумления едва не уронил жену: и простыни, и подушки в спальне Берты вот уже семь лет были черными...

Наутро Берта проснулась одна. Эжен ушел по делам — теперь надо содержать семью, и он брался за любое дело. Эжен может работать и адвокатом, и частным поверенным, а в июне ему пообещали неплохое место в

«Жюли с няней».
Работа Берты Моризо (1880 г.)

ВОТ ОНО ЧТО: ОКАЗЫВАЕТСЯ, ОНА, БЕРТА, СТАЛА НАГРАДОЙ В МНОГОЛЕТНЕМ СОПЕРНИЧЕСТВЕ БРАТЬЕВ!

суде. Так что он даст жене гораздо больше, чем мог бы предложить ей брат.

Вечером Берта отправилась навестить семейство Эдуарда. Ей хотелось отхлестать хозяина по физиономии — пусть бы это было платой за ночной урок любви, который не Эжен, а он должен был ей преподавать. Хотелось накричать на тихую Сюзанну, снова и снова пытающуюся осилить ноктюрн Шопена. Однако Берта вы-

глядядела веселой, почти счастливой. И Эдуард сломался. Он запил и начал заводить интрижки с заказчицами, порой приводил женщин прямо с улицы. И частенько ночи напролет бегал по Парижу, пытаясь найти мордашку посмазливее. Однажды Сюзанна застучала мужа — он преследовал какую-то юную особу, хотела было закатить скандал, но тот не растерялся. Повернувшись к Сюзанне, Эдуард лишь невинно улыбнулся: «А я подумал, что это ты!» Пришлось и ей улыбнуться в ответ: мудрая Сюзанна не хотела терять мужа.

Между тем Берта и вправду сменила табличку на дверях просторной квартиры, которую уступила молодоженам мадам Моризо. Но картины новоиспеченная мадам Мане все-таки подписывала своей девичьей фамилией, несмотря на бурные протесты Эжена. Берта втолковывала мужу, что она уже известная художница и глупо что-либо менять. К тому же смешно было бы видеть на выставке на правой стене картины мсье Мане, на левой — мадам Мане. И Эжен на время утих...

Однако супружеская жизнь Берты протекала отнюдь не безоблачно. Наверное, святая Мадлен забыла про свое покровительство, а может, ее святости на всех не хватало. Но в 1879 году счастье все же постучалось в их дом: родилась долгожданная дочка. Девочку назвали традиционным для семейства Мане именем — Жюли. Уже через пару месяцев Берта встала за мольберт. Работать пришлось много — Эжен начал часто болеть. Врачи считают, что его недомогания — от нервов и советуют спокойную жизнь. А где его взять — спокойствие? Берте приходится и о дочке заботиться, и картины писать, и устраивать выставки. Чуть ли не каждый день она бежит в мастерскую Эдуарда: то уговаривает поделикатнее помочь деньгами Клоду Моне, то поддержать Альфреда Сислея, то замолвить словечко Эмилю Золя, чтобы тот написал об устроенном ею аукционе картин импрессионистов. Никто не может устоять перед ее напором, не устоял и Эдуард. Выйдя из депрессии, он с удвоенной силой взялся за работу, не забывая хлопотать за товарищей по цеху.

Год, счастливый для Берты, оказался для Эдуарда тяжелым. Изругали его новые картины, два полотна не приняли на выставку в Салон. Кроме того, начались и проблемы со здоровьем: сначала нога просто ныла, и Мане старался не обращать на это внимания, но к 1882 году он уже не мог ходить без палки. Страшная весть застала врасплох: эскулапы так и не смогли определить заболевание — то ли рак, то ли сифилис, а оказалась гангрена.

Свой шедевр — «Бар в «Фоли-Бержер» — Мане заканчивал, будучи смертельно больным. Он писал гимн вечному празднику жизни, и так не хотелось уходить с этого праздника! Юную барменшу рисовал с натуры. У девушки были голубые глаза и рыжеватые волосы. По удивительному совпадению ее звали как жену — Сюзанной. Но когда картина была закончена, с полотна на мир в который раз смотрела юная Берта Моризо.

Мане умирал в горячке. Ни пребывание на водах, ни крайняя мера — ампутация левой ноги не помогли, гангрена поднималась все выше. «Агония ужасна! — вспоминала потом Берта. — Это смерть в одном из самых страшных своих проявлений». По иронии судьбы исповедовать Мане пришел все тот же аббат Юрель, венчавший когда-то Берту и Эжена. Священник явился с вели-

Ренуар с семьей и моделью Габриель (слева) в саду

Мане запил и начал заводить интрижки с заказчицами. Он бегал по Парижу, пытаясь найти мордашку посмазливее

чайшим почтением — к больному его послал сам архиепископ Парижа! Но Юрель опоздал — Эдуард был уже без сознания. Бедная Сюзанна, чтобы не слышать воплей умирающего, закрылась в своей комнате. Мане скончался на руках у Берты и сына Леона.

30 апреля 1883 года торжественно открылся очеред-

ной Салон. И вдруг по залу пролетел ропот — только что умер Мане! После смерти 52-летнего художника остались лишь долги и картины. Получить свои деньги, ясно, хотели все, картины же в тот момент мало кого интересовали. Это через пару десятилетий за них будут сражаться лучшие музеи мира, а в 1884 году Берте пришлось заняться срочной распродажей работ Мане, чтобы хоть как-то обеспечить вдову. Друзья художника предлагали выкупить картины и подарить их Лувру. (Даже Тулуз-Лотрек, сам отчаянно нуждавшийся, прислал 100 франков. «Этим можно заплатить за маленький кусочек «Олимпии», — написал он Берте.) Лувр от картин отказался. И хотя вырученная сумма была весьма солидной по тогдашнему времени — 120 тысяч франков, Сюзанна осталась недовольна: она рассчитывала по крайней мере на 200 тысяч. Виновата оказалась, естественно, «эта выскочка, пролезшая в семью».

«Олимпия», 1863 г.

Ренуар всю жизнь писал портреты Берты, тайно любя ее, но не проронив ни слова о своем чувстве

Эжен тоже во всем винил Берту: и в том, что он болеет, а жена плохо о нем заботится, и что дочь больше любит не его, а мать. И, конечно, в том, что она по всему дому развесила картины брата и часами просиживает перед ними, забросив работу. В горячечном бреду Эжен часто угрожал убить Берту или покончить с собой. Так что когда 13 апреля 1892 года он внезапно скончался, у Берты уже не оставалось слез. «Она все их выплакала за

годы совместной жизни», — скажет потом Огюст Ренуар. А уж ему ли не знать? Ренуар всю жизнь писал портреты Берты, которую тайно любил, но не проронил ни слова о своем чувстве. Да и что тут скажешь, коли Берта разговаривает по вечерам с картинами Эдуарда, будто с ним самим?..

«Вот и вся наша любовь — нездоятое яблоко, которым мы так и не сумели соблазнить друг друга», — думала Берта и проклинала свой гонор и свою застенчивость. Ну кому они нужны при такой короткой жизни?!

...Берта выхаживала дочку после тяжелого гриппа. Жюли выздоровела, а Берты не стало. 2 марта 1895 года она ушла к братьям Мане. Ей было 54 года.

В семейном склепе Мане Берту положили рядом с Эдуардом. Снова Эжен оказался чуть поодаль. Сюзанна же присоединилась к ним только в марте 1906 года — спустя 11 лет.

Юрий Бочаров